

МАЙ

8 мая 1902 г.

Письмо А.А. Спицына к Рериху Н.К.

Николай Константинович!

Вот что я, между прочим, придумал насчёт Вашей поездки на Мсту. Для сбережения времени и сил не пошлёте ли Вы пред собой на предварительные раскопания, по части курганов и жальников, брата? Я проектирую, во всяком случае, вытребовать лошадей для Вас и для него. Как его имя?

При этом условии в 2 недели Вы можете произвести нужные раскопки не только в Боровичском, но и Крестецком у. (Веребьино). Вчера, обсуждая Вашу поездку в Обществе, мы так и решили, что Вы съездите и в Крестецкий.

В Ваше распоряжение назначен остаток с прошлого года, <7>9 р., но к Вам же поступит и остаток от нынешних раскопок <Глазова>. Во всяком случае, если Вы и потратите что-либо из своих, то Общество, конечно, расходы Ваши покроет. Не измените моим надеждам на Вас!

С Покровским я ещё не виделся, потому что его не было в Петербурге.

Ваш А. Спицын

СПб. 1902 V/8

Отдел рукописей ГТГ, ф.44/1312, 1 л.

10 Мая 1902 г., СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Приехал в СПб., а тут дождь и слякоть, и холодина ещё большая, чем вчера вечером. Приехал – а в комнатах пусто, и Мисеньки моей нет, и мне стало сейчас же очень скучно. Ещё и писать-то нечего, а написать уже хочется.

Мисенька, Ты такая хорошая, такая славная, и я Тебя ужасно люблю.

Посылаю счёт за мою дорогу. Проспал с 2 до 6 ½ час. очень хорошо. Посылаю ещё письмо Спицына – ведь, пожалуй, от раскопок не отказаться? Не знаю, можно ли Бобу послать одного на разведки? Может ли он? Напиши мне об этом; иначе буду говорить с Володей, а Бобу возьму лишь в виде вольноопределяющегося.

Мисенчик мой милый, Мисенчик, мой славный, Мисенька – хорошая. Я пишу так, а сам представляю, что глажу Тебя – мою миленькую. Скоро ли Вы на почту пошлёте?

Пиши, радость моя!

Целую всех.

10 Мая 1902. Посылаю бандеролью сегодняшнюю газету.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44, д.260, 1 л.

[11-12 Мая 1902 г. СПб.]
Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.

Голубчик моя Мисенька, напиши мне, что Ты делаешь, как и что, а то мне скучно. Хорошо, что вчера Грабарь сидел до двух часов ночи, т[ак] что после него я прямо свалился в постель, а то бы было очень худо. Я вижу, что особенно скверно мне будет по вечерам.

Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1898. (Ч/б. воспроизведение)

Н.К. Рерих. Сходятся старцы. 1902. Вариант.

Сегодня утром я писал «Старцев» – теперь вместо большой передней фигуры – фигура поменьше и сидячая; вышло лучше, чем было – больше цельности, а то этот бедный, который всё шёл и не мог дойти, наскучивал.

Сейчас пишу в Обществе и потому не могу толком сосредоточиться. Грибы съел; не пошёл на 16-ю, а съел дома и ничего, худо не было. Вчера и сегодня погода мерзейшая, как-то у Вас там?

Сегодня, верно, будет неприятность с Курбатовым, ибо он всё настаивает на отпуске и сегодня надо будет с ним поговорить, а как на грех, Аркаши нет, и слышно, что в Понедельник он уже уезжает в Вятку.

Мама очень неохотно говорит о поездке Володи на разведки; опять разговоры, что все дети разъедутся и она одна останется; на это Боря сказал: «дети разъедутся, а две собачки останутся - Боря да Изварка».

Ходили ли ещё куда-нибудь? Был ли доктор, и не было ли разговора об охоте? Посылаю Тебе марки.

Пришёл Аркаша, - расхлёбываться с Курбатовым.

Целую крепко Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/243. 1 л.

13 мая 1902 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

13 Мая 1902

Голубчик Мисенька.

Просто меня завалили работою - и Комитетские протоколы, и приглашения на Собрание, и на Акт, - он будет 19 Мая. Вчера был в Археологич. Институте. Думал, что удастся избежать этой экскурсии, но не тут-то было - из-за меня перенесли на 23-е, на Вознесенье, но т.к. я вовсе не рассчитываю из-за археологии не ехать к Тебе, то скажусь больным или по неотложным делам отлучусь из СПб. Чёрт с ними, археологами!

Конфликт Аркаши и Курбатовым, так разыгрался, что сегодня Аркаша пишет ему письмо, о том, что остаётся на лето в городе, чтобы прекратить всякие недоразумения. Когда-то это дело уладится!

В Среду вечером придёт ко мне какой-то господин от Ивашкевича, который просит, чтобы я начал его разными художественными советами, нечего делать, придётся начать. Я даже доволен, когда вечерами кто-ниб. есть у меня, не так скучно. Утром мажу большой холст «Поход», замазал 4 арш. пастелью, вымазался и перемазал пол - страсть как!

Мама не пускает Володю ехать на разведки, придётся, чего доброго, отказаться, всё-таки от части предложенного. В Обществе идёт невероятная суета! Не дают приткнуться. Зарубин ходит в Буфф, а я не буду ходить, - сегодня встал в 8 ½ час. и работал. Вчера было так тепло, так хорошо, и тем более хочется удрать отсюда к Тебе. Куда гулять ходите? Получаете ли газеты? Ведь уже Понедельн., а от Тебя ни строчки. Пиши Мисенька; нравится ли Тебе, что я так Тебя называю.

Всех целую.

Отдел рукописей ГТГ. 44/261. 2 л.

13-14 Мая 1902 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

13 Мая 12 ч. н.

Мисик - нехороший! Сегодня возвращаюсь домой, уж как надеялся получить письмо, где бы Мисик написал, как он живёт, ведь уже 4 дня прошло с моего отъезда, а не тут-то было, никакого письма нет. А мне так хотелось получить письмецо; я бы лёг в постель и несколько раз его прочитал. Неужели уже не скучаешь по Майчику?

Был сейчас у Сюзора по делу Общества. Тебе поклоны, удивляются, что Ты меня так скоро покинула. Нет, право! Этакий Мисик, переехал себе на дачу и забыл думать о Майчике. Мисенька, Лада, напиши мне хорошенькое письмо.

14 Мая.

Мисику – 2 за поведение; и сегодня утром нет письма, - это свинство. Что с Мисиком случилось? Ужасно жалею, что вчера мне нужно было быть в Обществе, а то бы на 3 дня можно было опять уехать.

Меня навещают молодые дамы. Сегодня в 12 ½ ч. звонок, - является Е. К. Маковская из Вены. Говорит, что мои картины в Вене произвели на неё такое впечатление, что она даже хотела писать мне, но не знала адреса. Наговорила кучу комплиментов, просидела ½ часа; сегодня опять уезжает в Вену.

Мама возвратила мне квитанцию в задатке за коляску¹, ибо без хозяйки магазина ей ничего на неё не выдали и говорили, что это потому, что мы, де, и раньше должны были видеть, что корзина кривая, а если бы она была прямая, то эта вещь стоила бы не 40, а 75 руб. Мама нашла у этой коляски ещё дефекты, а именно – она легко валится на бок и не может поворачиваться, ибо колёса заходят друг на друга.

Сегодня утром болел зуб, - видно всё-таки придётся к доктору идти.

Поход уже весь замазан и выходит не худо. Сейчас принесли подрамник для «создания». Положительно, я нашёл свою манеру работать, а именно, сразу гнать несколько картин, в перегонку. Дай-то Бог, дать в будущем году хорошее художественное сражение; как это нам необходимо!

Миленькая, напиши письмо, ведь 5 день кончается, а от Тебя ничего нет.

Целую Мульку и Сану. Верно, теперь уже все свои юбки перемерила. Прилагаю ведомость расходам.

Выставка в Москве закрывается 14-го, сегодня, т. ч. к концу месяца дивиденд получится. Целую моего Мисика очень крепко. Хв. уже...

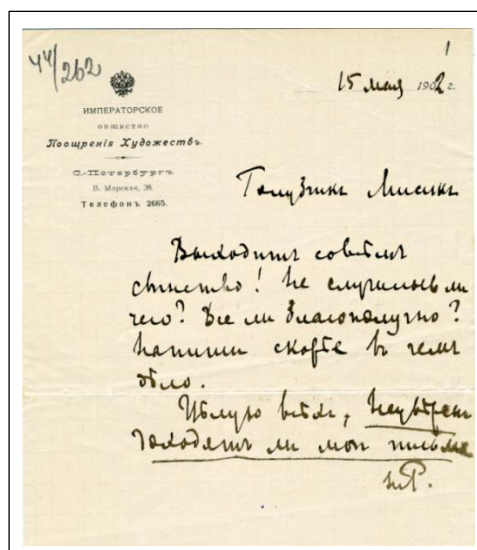
Н.

14 Мая.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/445. 1 л.

15 мая 1902 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

Автограф письма.

¹ Речь идёт о детской коляске. Елена Ивановна и Н.К. готовились к рождению старшего сына Юрия.- Ред.

15 Мая 1902

Голубчик Мисик.

Выходит совсем свинство! Не случилось ли чего? Всё ли благополучно? Напиши скорее, в чём дело. Целую всех, *не уверен, доходят ли мои письма.*

НР.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/262, 1 л.

[16 мая 1902 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Четверг вечером

Миленький мой Мисик, никогда так скучно не чувствовал я себя в СПб. Выехать, пожалуй, в Субботу не придётся, ибо после Пятницы будут французские бумаги и писанья Её Высочеству. Тогда справлюсь ехать в Воскресенье. Завтра Комитет, - не знаю, как пройдёт он, хотя ничего особенного не ожидаю.

Сегодня пришёл Богданов-Бер[езовский] в канцелярию и спросил, что меня сегодня, конечно, не будет. Эта скотина прямо глумится. Сегодня был у Сюзора – не застал дома: жена его очень Тебе и Мульке кланяется. Сегодня купил у Венцеля – вышло на 6 р. 50 к. Дал Лизе 11 р. Мисик мой, я Тебя очень, очень люблю и хотел бы уехать к Тебе сейчас же, а тут сиди в дурацком помещении.

Пятница

Я был очень обижен, не получив от Тебя ни вечером Четверг, ни в Пятницу утром письма. Пусть Фёдор всё-таки выедет в Субботу к скорому, а потом в Воскресенье, ибо хочу приехать как можно раньше, но не знаю, когда вырвусь. Настроение у меня неважное.

Целую крепко моего нехорошего Мисика, который не догадался вечером в Среду послать Фёдора или Володю с письмом на станцию. Мисик мой милый, хороший, дорогой мой, любимый.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/395, 1 л.

[17 Мая 1902 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.

Спасибо за письмецо, Голубчик Лада, - калоши непременно привезу, лампу тоже. Я думаю, что выеду не вечером в Среду, а с почтовым поездом, т. ч. буду на месте в 9 час. в. А археологи пускай с носом остаются. Не везёт мне с отправкою – сегодня получил повестку, что картины, посланные Мекку 9 Апреля, не приняты получателем, - что сей сон значит? Не исковеркали ли их дорогой? Вчера написал Спицыну, что никого пригодного для разведок не имею и потому взять все три района не решаюсь, и взял бы лишь Боровичи, по Мсте.

Вчера Курбатов, устроил невероятную штуку – сказал, что он до конца месяца не останется, а возьмёт за ½ месяца, потом 8 руб. за экстренный переезд в СПб и 5 руб. на непредвиденные расходы. Мы так и скисли! Зарубин предложил Аркаше дать ему ещё 50 к. на извозчика.

Так или иначе, с Курб[атовым] покончено. На июль за Аркашу остаётся Лазаревский.

Замазал уже 3 холста, переделал рамку к Городку, сделал уже и стёр золото, до натурального дуба, вышло теперь очень [*слово зачёркн. - ред.*] (не могу оставить такое неэстетичное слово) красиво. Сегодня я с удовольствием могу сказать на 16-ой [линии], что получил письмо от Тебя, а то уже 3-ий день мама спрашивает, какие известия?

Неприменно поищу новую книжку для переводов.

Сейчас собрал Тебе газеты за 3 дня. Вчера не получая письма, я весь день до вечера беспокоился.

Лиза спрашивает, куда занавеси отдать? Как бы я бросил всё здешнее и приехал к Тебе. Открыли ли ещё какие-ниб. красивые места?

Целую толстеньких².

Н. Р.

Летят ли по вечерам вальдшнепы?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/242, 1 л.

18 Мая 1902 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

18 мая 1902

Голубчик Лада, ох как затормошили Твоего Майчика. Третьего дня до 7 час. в Бюджетн[ой] Ком[иссии]. Вчера от 1 до 5 ½ - Комитет и утверждение экзамена по Школе, сегодня ужасно спешное всякое писанье от 11 час. до 6 час. Завтра надо быть в Обществе уже к 11 час. В 2 час. Акт. Во Вторник Комитет. А зато в Среду либо в 3 часа, либо в 12 ½ выеду к моему Мисику. Я ведь по Тебе соскучился. Мне хочется обнять Тебя, хочется погладить, хочется поговорить и поцеловать Тебя. А в квартире пусто и закрыто.

Вчера допрашивал Грабаря, что бы следовало перевести, и он посоветовал Уистлера и сказал, что знает и издателя, если бы был перевод. Попробую достать эту книгу и привезу Тебе. Сейчас Дягилев прислал ещё одну фотографию и просит ретушировать её.

С археологией устроился так, что взял себе один район около Боровичей и мне сказали: что бы и сколько бы я ни израсходовал, всё будет возмещено Обществом. В Понедельник пишу извинительные письма Покровскому и Веселовскому о том, что по непредвиденным обстоятельствам должен отлучиться из города и потому не могу быть на экскурсии, и чёрт с ней!

Ты вот, может быть, не поверишь, что говорю искренно, а право, уже миновало для меня время дешёвой популярности. Скучна она! Вчера Грабарь предложил мне, что он спишет с Мюнхеном и предложит устроить мою отдельную выставку с провозом туда и обратно на их счёт. Это ведь недурно будет. Я подсчитал, что в будущем сезоне у меня наберётся до 60 вещей выставить. Подсчитал и сам такой цифре изумился; сколько, мол, дряни за жизнь успел натворить.

Везу калоши Тебе и жду списка поручений. Сегодня получил деньги за Апрель из редакции, а других поступлений ещё не было. Статья о Кормоне не пошла. Сегодня я предложил в редакции переделать для журнала некоторые из моих прежних статей, приняли предложение. В дождливый день можно будет кое-что сделать.

² Е.И. Рерих ожидает рождения первого ребёнка. – *Ред.*

Аркаша завтра уезжает, сейчас пил чай у меня. Говорили про Архипа, про вечную историю отцов и детей, про его желание нас рядить в слюнявники. Аркаша влюблён в свою ученицу.

Мне кажется, что завтра будет Твоё письмо. Мисик, голубчик, Ты люби меня, очень люби, я вон всё о Тебе думаю, экономлю деньги, нигде не был (а Зарубин вчера в Буффе был). Я у Тебя буду хорошим, а Ты меня люби и приласкай меня. Мне хочется, чтобы Ты меня очень ласково встретила, это так приятно. Смотри, этого места не прочти Мульке. Целую толстеньких.

Ещё расходы:

2 р. 20.обед
1 р.извозчики
1 р.Андрею на уголь и лак.
80 к..... извозчики.
1р. 50..... калоши
9 р.вырезки из газет

Люблю Тебя, очень, ужасно и целую Тебя всю и там и здесь.
Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/272, 2 л.

19 Мая [1902 г., СПб.]

Записка Н. Рериха Е.И. Шапошниковой

19 Мая

Только что хотел отправить своё письмо, как получаю Твоё, такое хорошее. Спасибо за него моя радость.

С каким поездом выехать зависит от Нечаева и Сюзора, а мне-то, конечно, пораньше бы!

Милая, славная, хорошая, радость моя – целую крепко.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/244, 1 л.

20 Мая 1902 г. СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

20 Мая 1902

Милая, радость моя Лада – со мною Рейтерн сделал свинство, настоял на назначении Комитета в Среду в 3 часа т. е. как раз, когда я собирался уже выехать из СПб. Придётся выехать вечером, но поеду всё-таки с 11 ½ поездом, а Ты не вставай, но поспи эту ночь без Мульки – я приеду и прямо пройду к Тебе. Если Ты меня встретишь неласково, то мне будет ужасно скверно.

Господи, как бы я наплевал на это <...> Общество!

Посылаю газеты и ужасно люблю Тебя. Твой *Майчик*

Вчера обедал с Лазаревским в Павловске и с великим наслаждением дышал свежим воздухом. Летят ли вальдшнепы?

Отдел рукописей ГТГ, 44/263, 1 л.

19 мая 1902 г.

ХРОНИКА

Предварительные археологические исследования местности станции Елизаветино, Балтийской железной дороги, где предполагается произвести раскопки 23 мая, сделаны художником-археологом Н.К. Рерихом по поручению директора Археологического института. Из целого ряда небольших курганов вскрыто два. Найдены пряжка и бусы. Обнаружено погребение в сидячем положении. главный интерес раскопок близ Петербурга представляет вообще задача определения границ распространения обитавших здесь некогда финских и славянских племён.

Санкт-Петербургские ведомости. 1902. 20 мая/2 июня. № 135.

[29 мая 1902 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Мисик милый, дорогой мой, вчера проезжая мимо дачи я выглянул в окно, и мне показалось, что одно окно как будто светилось. Неужели в 2 часа ещё не всё было потушено. Уезжаю на 4 дня, а мне как-то скучно, словно уехал на месяц.

Утром 9 час.

Сейчас еду к Принцессе. Доклад будет длиннейший. Тороплюсь, ибо хочу хоть несколько строк послать Тебе. Вчера был Грабарь, советовался насчёт издания Ист[ории] искусства; сегодня вечером буду в Ред. «Мир Искусства», у них там по этому же поводу собрание, и Грабарь меня пригласил.

Надо у Принцессы устроить, чтобы памятник³ осенью освящали.

Мисик, Ты думал ли обо мне вчера вечером? А я думал в половине 12-го. Мисик милый, Мисик хороший, как мне хорошо сознавать, что обо мне Мисик думает. Ведь я Тебя правду так хорошо люблю. Завтра ещё денёк, а там и у Мисика, прямо к Мисику в постельку. По-видимому, можно будет, чтобы не ехать на Преображенку. Дай Бог теперь с делами в Обществе к 15 Июня справиться. Крепко, крепко целую Мисика и жду сегодня письмецо от него. Вчера я мысленно очень ласкал Мисика.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/449, 1 л.

³ Речь идёт о памятнике на могиле Д.В. Григоровича – ред.

29 Мая 1902 г. СПб.
Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

29 Мая 1902

Мисик, Лада моя хорошая. Был я у Принцессы, - она, оказывается, ожидала меня в Понедельник, а мне и не сказали. Была ужасно мила. Поговорили: 1 ¼ ч., а до доклада и не добрались, так он до осени и остался. Показывала мне свои акварели. Сказала, которые места в Домовичах ей больше нравятся, (значит, нужно будет их написать и ей поднести, - не худо будет). Пришла в восхищение от моей серии картин, очень интересовалась их увидеть.

Сейчас иду к Дягилеву. Теперь 8 час., а в 5 час. мне почему-то ужасно скучно сделалось, уж не нездоровится ли Тебе, мой голубчик. На улице проливной дождь и холодно, верно, у Вас точно также. Сегодня мама спрашивала, когда к ним поеду, а я сказал, что приеду поохотиться, что верно они к 20 Авг. не уедут с дачи. Она сказала: «Ну не знаю». Ну да может сердиться, сколько будет угодно, а я всё-таки теперь не поеду. Сегодня она дала чек на 250 руб., завтра их получу. На раскопки всё-таки прислали 79 руб. Дивидент мой будет 117 руб. Жалованья ещё привезу 200 р., теперь заплачу жалованья Лизе - 9 р. и Андрею - 5 р.

Мисик, хорошо даже мелочи писать человеку, который всем моим интересуется. Ну, кому я кроме Тебя нужен? И мне как-то хочется подле Тебя всё лучше и лучше делаться, но не лучше в общем смысле, а для Тебя. Я как-то чувствую себя уже отъезжающим к Тебе, сейчас велел Андрею билет на 8 час. поезд взять, а Лизе купить зелень и прочее.

Целую моего Мисика очень, часов в 12 опять буду думать.

28 Мая

Извозчик.....1р. 20 к.

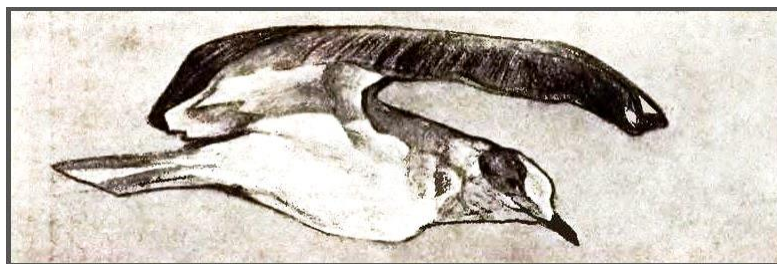
Ещё расходы:

29 Мая

На фиксатив и на карандаши.....4 р.

Извозчик.....2р.80 к.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/264, 1 л.

Н.К. Рерих. Чайка. 1902

ИЮНЬ

[4 июня 1902 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

2 ½ часа, вторник

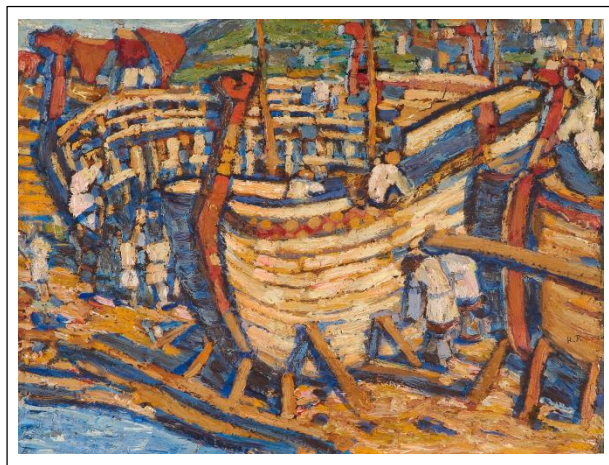
Дорогой Мисик, пусто и серо в городе. Дождь идёт, в вагоне я спал плохо. Приехал, утро писал Лодки. Был в редакции, видал Добржинского; он говорит, что Нина Алекс[андровна] получила развод, а Стёпа сдал два экзамена и сдаёт третий. А телеграмму-то в Веве так и забыли отправить?

В Обществе ни души, и мне тоже хочется убраться из него к Мисику. Мне скучно, Мисик, возмутительно скучно!

Был у мамы, сестра едет лишь в Пятницу. Как мне не хочется ехать в Преображенку, тем более, что через Тосно нельзя и придётся возвращаться в СПб. и сейчас на Ник[олаевский] вокзал. Всё-таки попробую отвязаться от этой поездки. Сегодня ожидаю Твоего письма, милый мой Мисик, не надо нам уезжать друг от друга, выходит нехорошо и Тебе, и мне.

Целую Тебя крепко, крепко. Моего славного, любимого Мисика.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/271, 1 л.

Н.К. Рерих. Лодки. 1902. Эскиз.

[Лето, 1902 г. СПб.]

Письмо Н. Рериха к Рерих Е.И.

Четверг, утро

Милый Мисик, вчера был очень неприятный для меня день. И Сюзор и Китнер набросились на меня, зачем я уехал, что тут всё неблагополучно. Марсеру уехал за границу, не оставив сведений о франц. выставке. Боткин без меня кричал в Обществе, что я его наказал на 1200 р. – что каталог надо перепечатывать. Видно, с этого места никуда не уйдёшь.

Куинджи даже советовал всем переехать в город, но потом согласился, что лучше пораньше вернуться. Очень расспрашивал о Тебе, говорил как бы Тебя не напугали одну без меня воры или что-л. такое. Сетовал, что далеко заехали на дачу. Зарубин написал Лазарев[скому] письмо с обидою на меня, что я перешёл к Дягилевцам, и ради них кувыркаюсь моим талантом. Сегодня

пойду к Свиныну, авось хоть он скажет ч.-ниб. утешительное. Посылаю письмо Вари; к ней идти нет времени, да из-за одной корзинки и не стоит.

Пожалей, Мисик, бедного Майчика! В атмосфере Общества есть что-то проклятое. Насколько в деревне и подальше от СПб. лучше, а тут человеком-то перестаёшь быть. Один у меня Мисик, для которого живу, которого люблю и Мисик тоже должен всегда любить меня. Иначе же что же будет?

Целую крепко, крепко. Как здоровье?

Не купить ли мне крестик в Петербурге?

Нечаев приехал.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/246. 1 л.

[Лето 1902 г., СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Дорогой, милый, хороший Мисик, спасибо за письмо, мне так необходимы Твои письма. Люблю Тебя хорошо, сильно люблю и всё сделаю для моего Мисика. Вчера вечером и сегодня утром в поте лица зарабатывал Этнографический Музей. Свинын держал меня до 3-х ч. н[очи], а сегодня я провожал его в Петрозаводск. Говорит, против меня очень многие, граф И. И. навязывает ему Борисова, Шмарова, Кандаурова, но что, во всяком случае, он даст мне большой зал, где 2 картины по 16 саж. и 4 поменьше, - есть где размахнуться. Разговор длиннейший, - в письме не уписать его.

Эти дни совсем плохо работается и плохо думается – надо в деревню к Мисику. Сегодня еду в Преображенку с Авг[устом] Андр[еевичем]. По Обществу много дела. Сделал покупку у Елисеева. Заказал рамы – завтра вычислят стоимость.

Сейчас надо писать массу писем: Сюзору, Озаровскому, Яремичу и др. – все по Обществу.

Целую Мисика крепко, крепко. Передай аппарат Бобе. Всем поцелуй.

Вчера просто измучил меня Свинын, что ему передают, что я его надуваю, отношусь к нему вовсе не хорошо и т. п. Потом часа 1 ½ читал про свой инцидент – ну да для такой вещи как Музей можно и пострадать – ведь это памятник на всю жизнь.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/452. 1 л.

[Среда. Лето 1902 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Среда. 1 час. дня.

Дорогой мой, славный Мисинька, хочу написать несколько слов Тебе, авось пойдёт с 3 час. поездом. Как пусто и скверно в Питере, дождь моросит, холодно. Что-то Мисик там делает? Вчера приехала мама в город, сегодня завтрак у ней. Говорили о высоких сеньях; она говорит, что это может быть очень выгодно из-за сада, ибо у Берхмана сад небольшой, а он от 500-950 еже-

годно получает. А Проф. Овсяников из имения около Луги в 15 десятин выручает от 7.000 до 9.000 чистого дохода.

В Обществе пусто; Лазаревский ещё не приехал. Воздух прокислый и дохлый. Вспомнил, что надо ещё чайник купить, попытаю без образца. Мама удивляется, почему Лиза не может варить здесь варенье. Бессараб. вишня по 8 коп. фунт (корзина в 30 фунт.). Владимирская вишня будет дней через 5. Знаешь, Мися, мне всё так противно здесь, - точно совсем иным человеком становлюсь. Я Тебя, Мися, очень, очень люблю. Если бы нам с Тобою уехать из СПб.

Кто-то идёт... Целую крепко, крепко.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/448, 1 л.

11 [июня, 1902 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

11-го, Вторник.

Милый, дорогой, славный Мисик, опять я сижу в Обществе, и так опять хочется мне вырваться из СПб., что даже и картины не хочется писать. Как мне дорого, что Мисик любит меня. Знаешь Мисик, мы будем счастливы, мы пойдём рука об руку, поддерживая друг друга, пойдём: я для Тебя, Ты для меня.

Сейчас был Боткин и совершенно меня не утешил, сказал, что может сделать Комитет в Пятницу или во Вторник. Чем это пахнет? Ведь до Пятницы ещё ничего не получится. Пришёл Грабарь, придётся с ним обедать идти.

Вторник, вечер

Мне скучно, Мисик, так мне всё здешнее надоело, так мне хочется к Тебе. Алекс. Н. Бенуа хочет меня познакомить с Теляковским, мол, не худо бы мне сделать обстановку для "Рогнеды" и "Млады". Ему заказаны декорации к "Götterdämmerung" 1 - пойдёт в буд. сезоне. Коровин делает декорации к Руслану.

Но всё это неинтересно, а важно то, что для Мисика я, кажется, Бог ведает, что только сделаю.

Господи, неужели до Вторника из СПб. не выбраться? – да это просто мученье. И мне-то скучно, да и Мисик ещё, пожалуй, поплачет! Жалко Мисика! Ты мне напиши письмецо ласковое и хорошее, я так люблю их от Тебя получить. Ведь Ты для меня дороже всего на свете. Мне скучно, скучно, скучно. Мисика люблю, люблю, люблю, люблю, люблю.....

Пришли записку покупок из синего пиджака.

Антокольская взяла за 7 пломб 14 рублей, по 2 рубля за пломбу.

Косоротов прислал странное письмо, посылаю его. Сохрани для адреса. Что это значит? Вот так тип!

Ведь купить надо было:

5 бут. пров. м.
3 пуд. сахарн. песка
1 пуд колот. с[ахара].
1 ф[унт] франц. муки

Целую Мисика крепко, крепко.
Пожалей Майчика.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/199, 1 л.

Н.К. Рерих. Избы. Начало 1900-х.

Чайки. Эскиз для фриза. [1902].

[Лето. 1902 г. СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Дорогой мой Мисик, сижу в Обществе, очень болит голова и скучно и работалось сегодня неважно. Посылаю письмо от Варв[ары] (правда, какой-то стран[ный] тон?) и письмо Косоротова.

Знаешь, Г. П. Анненков разбогател. Без копейки денег фиктивно купил имение в Крыму за 160.000 руб. и через две недели продал его за 280.000 руб. Какую разницу получил-то? Кроме того, остаётся пайщиком, делают из имения всякие операции и должен выгадать ещё 400.000. Вот как делают люди дела!

Пришёл Архип в Общество, сидел часа 3. Отказался крестить, говорит, что в жизни ни разу не был ни шафером, ни крестил. Кого, как Ты полагаешь, Авг[уста] Андреев[ича]?

Я так скверно чувствую себя с Архипом, что и сказать не могу. Надо, надо нам придумать толком, как держать с ним себя. Всё-таки он так ко мне расположен, что у меня язык не поворачивается заикнуться о выставках. Это будет скверный разговор, - Ты помоги.

На Понедельник Сюзор назначил Бюджетную Ком., а во вторник будет Комитет и как они хотят, а во вторник в 8 час. я уезжаю.

Мисик мой славный, мой милый, завтра жду письма от Тебя. Целую Тебя крепко, крепко, всю. Плохо работается. Хочется к Мисику. Ты без меня больше не уезжай.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/453, 1 л.

Боровичи. Река Мста. (Фотография начала XX века).

[Июнь 1902 г. Село Потерпелец. Новг. губ.]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е.И.

Мисик, остановились ночевать в 3 верстах от Боровичей, село Потерпелец. Место красивое.

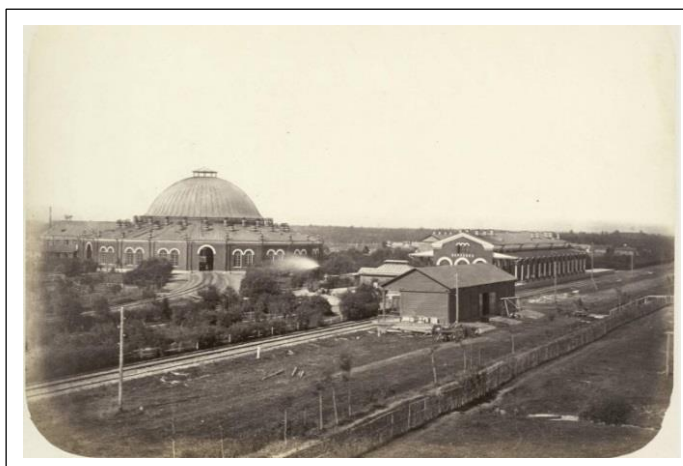
Доехали хорошо. Погода хороша. Но есть тучи – назавтра.

Именье Гверистянка, где думаем найти ночлег – прелесть. Пустит ли управляющий, не знаю.

Целую крепко, крепко.

Тороплюсь послать с обратным ящиком.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/451, 1 л.

Николаевская ж/д. Станция Окуловка.
(Фотография начала XX в.)

[Воскр. 15 Июня 1902 г. СПб.- по штемпелю]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Е. И.

Почтовый конверт со штампом Императорского общества Поощрения Художеств.

Николаевская жел. дор. Станция Окуловка

Дача Кунева

Ея Высокородию Елене Ивановне Рёрих

На штемпеле дата: 15 июн. 1902. С. Петербург

Дорогой мой Мисик, пишу из Потерпельца. Ночь провели скверно; напали клопы, и мы должны были в 1 ночи уйти на улицу, ходили по дождю и больше не спали. Копали сегодня; нашли только золу. Утром завтра (в Понедельник) выезжаем в Мошлицы, а затем на Мошинский погост. Остальное всё ладно, но сегодня мы бродим сонные и вялые – после неудачной ночи.

Место очень красивое – Мста широка. Целую Мисика крепко, крепко всю. Как бы хорошо, если бы и Мисик здесь побывал. В будущий Понедельник, пожалуй, вернёмся, надеюсь.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/265, 1 л.

[24 Июня 1902 г. Ст. Меглецкая, Новг. губ.]
Письмо Н.К. Рериха к Е.И. Рерих Е.И.

24-го, Понедельн., 8 веч.

Сидим на Меглецкой станции – не дают лошадей. Завтра в самом дальнем пункте нашей поездки в Мошенском. Сегодня ночевали у незнакомых людей – много комичного.

Сейчас ехали по сквернейшей дороге – устали. Раскопка неважная, вещей не нашли. Хорошо, что дождь щадит, Бобина фуражка упала в лужу, пришлось стирать.

Хотя и сопряжено с трудн[остями], но хорошо бы Тебе, Мисик, так поехать по Руси.

Что Ты делаешь? Ждёшь ли Майчика? Я стремлюсь вперёд невероятно, спроси Бобу потом.

Всё-таки сговорился о лошадях, и сейчас поедem ещё дальше за 12 верст, – хотя бы ночью туда приехать.

Целую моего славного Мисика крепко, крепко. Уверен, что если бы Ты увидела, какой я энергичный, то порадовалась бы.

Будущий Понедел. вернёмся.

Сегодня сделаем 60 верст на лошадях.

Сейчас Боба потерял мой нож и пошёл искать его, но, верно. кланяется.

Славный, милый, хороший Мисик – люблю Тебя.

Мульку целую.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/236, 1 л.

Деятельность Императорского Общества поощрения художеств

В настоящее время обновлён состав постоянной выставки Общества. Среди новых вещей имеются 3 этюда Н. Рериха, картина М. Латри, пейзаж В. Зарубина, этюд Рылова, картина Стабровского и др....

Ежегодный конкурс Общества назначен на 1 февраля 1903 г. В настоящем году программа конкурса особенно разнообразна; в состав её кроме целого ряда художественно-промышленных заданий входят премии по исторической, бытовой и пейзажной живописи. Ближайшие сведения о конкурсе можно получить у секретаря Общества [Н. К. Рериха].

Художественные сокровища России. 1902. Хроника № 5-6. С. 33.

Н.К. Рерих. Вороны на камнях. 1902.

Н.К. Рерих. Заповедное место. 1902 г.

И[ван] Л[азаревский].

К РИСУНКАМ

В 1897 году молодой живописец-археолог Николай Константинович Рерих получил звание художника за картину «Гонец: восстал род на род». Этой картиной Н.К. Рерих сразу упрочил за собой репутацию интересного и талантливого художника. «Гонец», равно как и другие произведения молодого художника, выделяются своеобразной трактовкой сюжета и колоритом.

Работы Н.К. Рериха отличаются сильной передачей впечатления; он с удивительным талантом умеет передать дух изображаемой им эпохи, заставить зрителя перенестись мысленно в ту далёкую старину, что оживает в его картинах. Чем-то сказочным, былинным веет от его картины «Гонец». Колорит картины очень хорош; немного неясный, но сильный и какой-то фанта-

стический. Некоторая неясность колорита в «Гонце» только усиливает передаваемое им впечатление, ибо такой же неясной представляется нам эта серая старина, туманная за дымкой столетий.

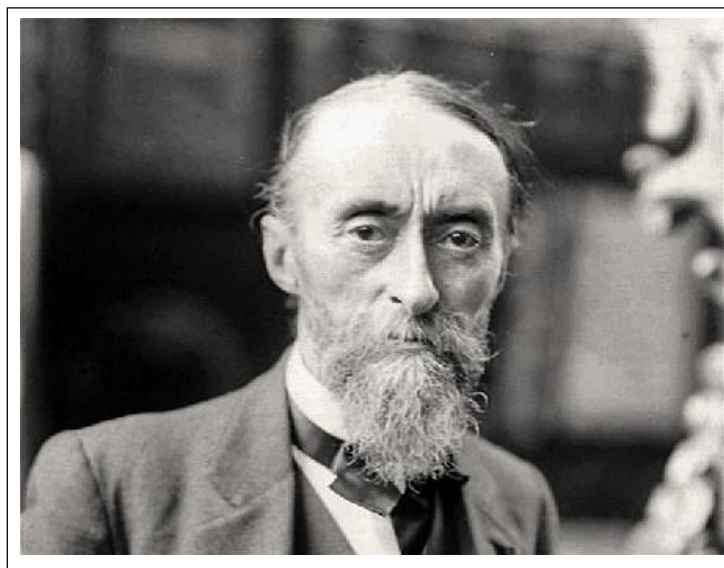
Содержание картины не очень сложно. По застывшей глади реки скользит, приближаясь к какому-то посёлку с домиками характерной и оригинальной древнеславянской архитектуры, челнок гонцов; один из них, видимо, более молодой, правит веслом, другой – пожилой, в глубоком раздумье сидит на корме. И раздумье его тяжело, как тяжела та весть, которую оповещает он своих сородичей, плывя из посёлка в посёлок, что «восстал род на род».

«Гонец» должен был начать собою целую серию картин «Начало Руси», исполнению которой очень сочувствовал П.М. Третьяков. Приобретший «Гонца» для своей московской галереи, но, ввиду смерти П.М. Третьякова, этому плану не суждено было осуществиться.

Журнал для всех. 1902. Июнь. № 6. (Помещена ч/б илл. с картины Н.К. Рериха «Гонец».)

Июнь 1902 г.:

Из воспоминаний Н.К. Рериха

Фернан Кормон.

Ив. Лазаревский.

ФРАНЦУЗСКИЙ ХУДОЖНИК О РУССКОМ ИСКУССТВЕ

Имя Фернана Кормона, автора знаменитого "Каина" в Люксембургском музее и наделавших столько шуму композиций и фресок в Сен-Жерменском музее, парижском Hotel de Ville и т.д., пользуется большой известностью и у нас в России. Ф. Кормон - это один из даровитейших современных художников во Франции: превосходный рисунок, мощный колорит и удивительно оригинальная общая трактовка его работ создали ему тот громадный успех, которым он теперь пользуется. Ф. Кормон знаменит также как замечательный наставник в живописи; к нему со всех концов Европы собираются молодые ху-

дожники, и в его мастерской можно встретить на его воскресных утренниках и француза, и турка, и чеха, и англичанина, и русского, и даже немца. Недавно мне пришлось услышать кое-что интересное об этом художнике и об его взглядах на русское искусство и вообще на Россию от молодого художника Н.К. Рериха, который, работая в Париже, пользовался советами и указаниями Кормона.

"Мне сулили, - рассказывает Н.К. Рерих, - услышать от Кормона много совершенно неожиданного и о русском искусстве, и про Россию. Приехав в Париж, я поспешил к нему на rue d'Aumale, в его мастерскую. Мы быстро познакомились; я показал Кормону свои рисунки и эскизы и получил много веских замечаний. В это время Кормон уже не стоял во главе ученической мастерской в Clichy; там руководил художник Humbert. Я с сожалением заметил, что хотел поучиться у него, но, по-видимому, не смогу исполнить своё желание, благодаря его уходу из мастерской. Кормон поспешил успокоить меня, пригласив бывать у себя по воскресеньям, когда он всегда будет рад дать мне совет и указания. И прибавил при этом: "А работать, - так работайте, где хотите, хоть у того же Humbert; ведь всё равно где сидеть за мольбертом, лишь бы была натура". Как далёк показался этими словами мне Кормон от большинства наших профессоров, так ревниво охраняющих своих учеников по своим мастерским.

"Придя в ближайшее воскресенье, - продолжал Рерих, - я застал в мастерской много народу; были тут ученики разных мастерских и Ecole des Beaux Arts, и начинающие, и уже пожилые, известные художники. Я показал Кормону свои рисунки, он тотчас стал распекать меня за тушёвку, так как за ней, по его словам, как за красивой мишурой, пропадает самое дорогое, самое характерное. При эскизах Кормон подозвал всех присутствующих: "Voions, voions, я покажу вам что-то русское! - воскликнул Кормон и прибавил, обращаясь ко мне, - вот работайте в Париже, но своего-то не забывайте; не забывайте, что вы слишком рафинированы (que nous sommes trop raffinnes), а у вас, русских, ещё громадный запас новых слов". Когда заговорили о русском отделе на последней Всемирной парижской выставке, то обнаружилось, что Кормон очень заинтересовался работами В. Серова, Коровина и Малявина и его знаменитыми "Красными бабами".

"Из расспросов - кто такой Малявин, сколько ему лет, как он работает, видно было, что Кормон возлагает на Малявина немалые надежды. Услыхав, как большинство из нашей Академии относились к картине Малявина и многому другому, Кормон не удержался, чтобы не отозваться обо всём словом довольно-таки резким. Вообще я вынес такое впечатление, что Кормон о России знает многое смутно, но отводит ей особо важное место и ждёт новое от наших русских художников и завидует России и русским, сравнительно ещё так много нетронутой природы и непосредственности в жизни народной. "У вас, в России, так много прекрасного и характерного, и ваш долг, русских художников, почувствовать и сохранить это", - вот подлинные слова Кормона.

"Трудно допустить, - закончил Н.К. Рерих, - чтобы человек, такое долгое время стоявший во главе многолюдной мастерской, в сущности, скептически относился к общей классной работе. А между тем, Кормон относится именно таким образом. Помню, как-то у Кормона говорилось о разнице в рисунках, сделанных дома, наедине, и в общей мастерской, на народе: первые рисунки почти всегда бывают смелее, характернее и со скромною штудировкою чего-

либо заинтересовавшего, а вторые - часто приводятся к какому-то общему для мастерской знаменателю, шаблону, а если и появляется в них смелость и шик, то напускной и пошловатый. Характерны слова Кормона, которые как сейчас помню: "Если средства и силы позволяют, надо работать наедине. Правда, из такой работы может ничего не выйти, но зато если выйдет, то что-то очень хорошее; а в искусстве надо уметь рисковать. Я лично не могу работать при других. Все мои работы в мастерских - это просто чепуха (blague), там я больше проказничал. Я стал серьезно работать лишь, когда остался один. Общая работа всегда вносит незаметное подражание и забывается индивидуальный стиль, т.е. самое дорогое в искусстве. А главное, надо вообще поменьше слушаться в искусстве".

Как было бы хорошо, - добавим от себя, - если бы и наши профессора Академии художеств придерживались бы таких же взглядов!

Биржевые ведомости. 1902. 26 июня/9 июля. № 171.

Н.К. Рерих. Русь. Эскиз панно. 1902.
(Ч/б фото с картины)

Н.К. Рерих. Заморские гости. 1902.
(Воспроизведено на открытке)